

РАССКАЗ БЕЗ АВТОРА

Иногда слово может
изменить мир,
а иногда — исказить его

ГЕННАДИЙ ЯНЧЕВ

Геннадий Янчев

Рассказ без автора

<https://litres.ru/73939489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Проклятый артефакт Шекспира, заговор профессоров и идеальное преступление, которое приходится писать прямо на ходу.

Отбывая наказание в архиве Литературной академии, Дина и Горохов находят шкатулку с пером, которое бьётся, как живое сердце. Оно способно сделать их великими писателями без единой правки. Но Горохов знает: его отец уже заключил такую сделку в прошлом — и теперь платит за неё рассудком, совершая преступления то ли во сне, то ли наяву.

Успеют ли студенты закончить свой детектив до того, как перо допишет их собственную главу?

Содержание

Глава 1. Пыль, скука и первое слово
Конец ознакомительного фрагмента.

4
10

Рассказ без автора

Глава 1. Пыль, скука и первое слово

Архив академии пах смертью.

Не в прямом смысле — просто здесь заживо умирало всё: время, желание творить и вера в то, что литература — это прекрасно. Здесь люди старели раньше, чем бумага.

На самом деле в помещении пахло плесенью, старым клеем и чем-то приторно-гнилым — то ли забытым с прошлого года бутербродами, то ли студенческими надеждами, которые портились здесь быстрее еды.

В академии знали: самое страшное наказание — не отчисление, а ссылка в архив. Сюда отправляли за прогулы, дерзость или списывание, а иногда и просто для профилактики — чтобы никто не забывал, где заканчивается свобода и начинается «настоящая» литература: пыльная, мёртвая и строго по описи.

Декан Струков любил повторять: «Посидите среди мёртвых бумаг. Может, в вас самих проснётся хоть что-то живое».

Обычно студенты вылетали отсюда пулей, стараясь как

можно скорее стряхнуть с подошв архивную пыль. Но были и завсегдатаи — те, кому подвал уже почти не сопротивлялся. У таких появился, даже свой язык, свои присказки и особый жаргон, который Горохов метко называл «Пыльная феня». Никто специально его не выдумывал: он сам собой прирастал к тем, кто «листал срок» уже не в первый раз.

Этажом выше, в зале редких изданий, под стеклом и сигнализацией хранилась главная святыня Академии — экземпляр первого фолио Шекспира. Его, по легенде, купил сам граф Монфор, основатель Академии. Студентов к нему почти не подпускали. Струков называл фолио «сердцем учреждения», хотя Горохов однажды заметил, что сердце у учреждения явно бумажное и давно нуждается в пересадке.

В тот день на очередную «пыльную ходку» заступили двое проверенных архивом — Дина и Горохов.

Встретившись в коридоре у заветной двери, они даже не поздоровались. Лишь обменялись взглядами, полными усталого презрения.

— Опять ты, — буркнул Горохов, толкая дверь плечом.

— И тебе доброе утро, — Дина вошла следом, демонстративно не глядя на него. — Видимо, это особая педагогическая тактика: посадить самого ленивого с самой скандальной.

— И самой болтливой, — добавил Горохов.

— И самым бестолковым, — парировала Дина.

Горохов остановился посреди комнаты и мрачно оглядел

бесконечные стеллажи:

— Ненавижу с тобой «срок мотать».

— А чего так бесишься? Что работать заставляю? — Дина бросила на него насмешливый взгляд.

Он посмотрел на неё с искренним пренебрежением, но она лишь невозмутимо ответила:

— Считаю, я из тебя человека делаю, ничтожество.

— Нет, меня бесит то, что ты сюда прямо рвёшься. По тебе же видно — тебе здесь интересно!

— Ну, в какой-то мере — да, — пожала плечами Дина. — И перестань выражаться так, будто мы два заключенных на зоне.

Горохов поморщился:

— А разве нет? Подвал, пыль, надзиратель Струков... Разве что баланду не выдают. Да здесь хуже, тут вообще не кормят! Ещё один такой «заход в пыль» — и я реально набью себе татуху. Пока не решил какую. Может, гусиное перо за колючей проволокой. Очень по литературному.

Дина вздохнула:— Не смешно.— А тебе сколько «отписали»?— Две недели, — сказала Дина. — А тебе?— Три, — Горохов тяжело вздохнул. — Сочувствую себе заранее. «Листать срок» долго.— За что на этот раз? Что натворил? Если не секрет, конечно.— За правду, — с достоинством мученика поправил Горохов. — Я всего лишь заметил, что «Слово о полку Игореве» читается скучнее, чем инструкция к стиральной машине.— И сказал ты это, разумеется, прямо на

лекции? — уточнила Дина.— На лекции по древнерусской литературе, — признался Горохов. — Почему-то не оценили.— Гениально. А я вот выявила плагиаторшу. Одна девица пыталась всучить чужую курсовую за деньги, ну я и не смогла промолчать... Пришлось пойти на конфликт ради принципов. Дина поправила кофту с таким видом, словно была Жанной д'Арк в филологии, не меньше.

— Уважаю, — Горохов кивнул с серьёзностью каторжника. — Значит, мы с тобой здесь как политические. Жертвы системы.

— Ну да, ну да... — эхом отозвалась Дина и взяла первую папку с кучи.

— Ты что будешь делать сегодня? Клеить или подшивать? — спросила Дина, не поднимая головы.

Горохов с размаху швырнул портфель на подоконник.

— Ничего. Я собираюсь делать ничего! — объявил он с гордостью человека, который наконец-то нашёл своё призвание.

— А как же куча эта? — Дина указала на середину комнаты. — Это же поле битвы какое-то... Мне кажется, там до сих пор дым идёт. Смотри.— Тебе не кажется, — мрачно сказал Горохов. — Это души сгоревших студенческих надежд. Они здесь теперь навсегда.

— Это же тот, архив, что сгорел. Я вообще конечно не понимаю. Зачем их хлам ещё и нам нагрузили?

— Потому, что мы бесплатная рабочая сила с воспита-

тельным уклоном, — сказала Дина.— Хватит ныть. Бери папку, — Дина сунула ему в руки первую попавшуюся.— Струков же придёт — проверит всё равно.

— Вот когда придёт, тогда и начнём изображать пользу. Архив не наш, пожар не наш, а крайние почему-то мы.

В архиве было не так много мест, где можно было «скоротать срок» с комфортом: интернет здесь почти не ловил, а мобильная связь тонула в толще бетонных перекрытий. Но было одно исключение — широкий и длинный подоконник у единственного старого окна, который выходил во внутренний дворик академии.

И выбора у них всё равно не было: подоконник тянул к себе, как единственное живое место во всём архиве.

Они разошлись по разным углам, стараясь даже не смотреть друг на друга, и в архиве наконец стало тише.

Они облюбовали его давно — ещё за три предыдущих «захода в пыль». Горохов привычно забрался на один край, прижавшись спиной к холодному стеклу, а Дина устроилась на другом, подтянув колени к подбородку.

Между ними, ровно посередине, стояли их портфели. Они стояли в обнимку, прижавшись друг к другу куда смелее и искреннее, чем их хозяйева. Казалось, вещи давно помирились — в отличие от людей.

Вокруг застыла тишина: бесконечные папки, старая кофта на плечах Дины, остывший кофе и настырный дождь за мутным стеклом. Работать не хотелось совершенно. Даже Дине.

Горохов лениво жевал жвачку. Иногда он надувал маленький пузырь и с треском лопал его — ровно настолько громко, чтобы это не начало бесить Дину.

— Пссс! — вырвалось у неё в первый раз.

— Не начинай, — отозвался Горохов, даже не открывая глаз.

— А ты не жуй.

— Я тихо.

— Ты жуёшь как корова.

— А ты шипишь как чайник.

Дина с драматичным вздохом закатила глаза и уткнулась в бумаги. Под ней что-то сухо хрустнуло. Она поморщилась, приподнялась и вытащила из-под себя толстую папку.

На обложке значилось: «Дело №67». Ниже виднелось: «Магдалина...», а дальше текст обрывался обгоревшими краями.

Дина схватилась за папку, как за единственное спасение от Горохова и всей этой пыльной действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.